

ТИМОФЕЕВ БЕРЕГ

РАССКАЗ

Теперь долина Каменушки пуста. От верховий до устья с одной стороны сопровождают ее крутые и солнечные склоны, с другой — пологие и тенистые. На крутяках лес редок или вовсе нет его и растет только лещина да невысокая желтоватая травка, похожая издали на мох или молодую шерстку. На «северах», наоборот, курчавятся дубняки, березники, осинники, разный подлесок и по-особому зеленые острова сосен. На верхах, по гривам, тоже — лес.

На выходе к Амуру долина веером раскрывается на полдень, а речка, будто убоявшись чего-то, сворачивает влево, прижимается к горе, прячется там в непролазном болотном тальнике, а потом, как бы стыдясь, вся открытая, тихонько пробирается через каменную косу к большой воде. Справа от нее, до самой противоположной горы, спадающей к Амуру, остается веселый луг — прилавок.

Вот на этом веселом прилавке и стояло когда-то порубежное селение Сухотино, обоснованное русскими в прошлом веке. Берег здесь сух и очень высок и спускается к Амуру двумя уступами. Верхний уступ — обрыв из рыхлого суглинка и дресвы под ним, а нижний — узкая, каменно-галечная гряда в полкилометра длиной, крутым откосом уходящая в воду. Течение у гряды постоянно мощное, плескучее и глубокое. В любую пору навигации тут могут приставать большие и малые суда. Иногда, в погожие дни, по всей этой быстрине гулко бьют хвостами верхогляды, а на зорях по-дельфиньи вздымаются из глубин толстые, как бревна, калужата.

Для жизни люди всегда выбирали подходящие уголья. Но здесь было и еще одно, может, решающее

обстоятельство. Сухотинцы, то есть тогдашние амурские казаки, должны были охранять в этом месте границу.

Вблизи пашенных угодий не нашлось — пахали в верховьях Каменушки на «полатях» и некрутых покатях. Косили по островам, луговинам и лесным еланям. Главными в хозяйстве были лошади. Остальное для жизни давали лес, сопки да река. Кабанов да коз и нынче тут изрядно, а в ту пору — и подавно. Только не ленись добывать. С рыбой было и того проще.

Во время интервенции в Сухотино побывали японцы и кое-какие дома порушили и пожгли. И без того небольшое, Сухотино стало еще меньше. Конечно, оно могло и разрастись. Но вышло по-другому. Для колхоза здешние угодья не годились, а каким-либо промыслом заниматься и вовсе не было расчета. Правда, одно время жгли известку. Село постепенно разъехалось, опустело. Одни постройки пошли на дрова, другие сплавили куда-то по Амуру.

Первый раз я увидел Сухотино проездом — с теплохода. Потом, в отпускное время, мы, четверо заядлых рыболовов, приехали сюда специально.

В Сухотино теперь оставалось только три крыши. В головной части бывшего села, не столько на берегу, сколько на косогоре, виднелись судовые створы и лепилась избенка бакенщика Кости. Костя был работающий человек и домочадцам не давал лениться. Вокруг избенки всегда громоздились створные щиты, какие-то доски, крестовины, бревешки, чурки, поленницы и вороха хвороста. Все это надо было таскать на себе с Амура в гору, метров на сто или больше. У Кости в распоряжении был чумазый допотопный катерок с низкими бортами, на котором он плавал по створам и бакенам. Коренастый, жилистый, смуглый, редко брившийся, лет сорока пяти, Костя был такой же копченый, мазутный и сумрачный с виду, как и его катерок. Он, собственно, был единоличным хозяином этих мест и у всякого незнакомого человека требовал документ. Как мы потом узнали, и работа Косте нравилась, и то, что он был тут главным.

Ниже по берегу, метрах в ста от Кости, стояла еще одна изба. Вокруг нее постоянно трепалось на ветру развешанное на веревках ребячье бельишко, а у тропы на полянке, спускавшейся к реке, маячили белоголовые фигурки. Ребята либо ловили кузнечиков для наживки на

удочки, либо гонялись за змеями, которых тут было предостаточно, либо играли в свои игры.

А там, где когда-то была середина села, одиноко высилась серая, почти стального цвета изба деда Тимофея, который и родился тут, и старуху похоронил, и теперь, когда жил где-то у сына, каждый год приезжал сюда на лето. Приезжал и никому не давал ломать эту избу, эти стены, в которых прошла вся его жизнь. И Косте наказывал беречь.

В этот раз мы явились сюда на лодке и приткнулись ниже устья Каменушки за утесом. Собственно, это был не утес, а то, что осталось от него да от каменного мыса, лемехом выступавшего в Амур. Сюда же весенними льдами нагрудило целое стадо многотонных валунов, меж которыми зияли гулкие пустоты и щели. Чтобы пройти, надо было прыгать с камня на камень. Тут же из воды, из самой глубины, подпирая все это каменное скопище, черным громадным стогом выступал главный камень. Амур обтекал его с глухим ворчанием и крутил пенистые жгуты и воронки. Тут часто бились верхогляды, а среди полузатопленных камней таились щуки.

Пока мы спиннинговали, мимо нас откуда-то снизу на своем черномазом катере проплыл Костя. Плыл он так тихо, что казалось, вот-вот остановится и вода понесет его обратно. Но это, как потом оказалось, был Костин маневр. Ему надо было хорошенько рассмотреть нас. Кто такие? В чем дело?

У нас тут уже и палатка стояла меж камней, и лодка была вытащена на сухое, и вещи разложены на валунах, и костерок сверкал.

После обеда мы с приятелем пошли рыбачить на Каменушку. А двое остались у лодки — граница все-таки. День был жаркий, душный, тихий, трудный для ходьбы. Одолевали пауты, которые нам, между прочим, пригодились. Мы ловили их для наживки на хариуса. Попутно, пробираясь некошеной околицей бывшего села, наловили еще и кузнечиков. Хариус любит всякую «насекомость».

Тут нас опять усек Костя. Он стоял на бугорке, у спуска к Каменушке, махал рукой и кричал что-то. Мы тоже помахали ему, но то, что он кричал, не расслышали из-за шума речки. Мы решили, что он просил закурить. А раз так — хлеб за брюхом не ходит, пусть сам подойдет. Мы стояли, поджидали Костю. Приятель на-

показ вынул пачку «Беломора», закурил и этой пачкой помахал Косте.

Но тот вдруг повернулся и исчез.

— Чего это он? — удивился приятель. — Как дикарь какой.

Тогда мы не знали еще, что Костя был тут самый главный человек, хотя по тому, как начальственно стоял он на бугре и махал нам, можно было бы догадаться. Мы не догадались и пошли дальше по речке, сильно заросшей тальником, ольхой, черемухой, бояркой, дикой яблоней, свидиной, лещиной, шиповником и еще бог знает чем. Где вброд пробирались, а где в обход омутков, завалов и зарослей. Каменушка, дышавшая холодком, и нам помогала дышать. Иначе бы в такую жару-духоту, да в болотных сапогах, да в энцефалитках, да продираясь по нехоженным зарослям, запарились сразу же. Речка была совсем дикая.

Изредка стали ловиться хариусы-белячки. Попался и небольшой ленок. И теперь нами правил только радостный азарт, и ничего на свете не существовало, кроме веселых струй Каменушки, кроме перекатов и омутков, где таились невидимые шустрые рыбки.

Меж тем слева, у горы, где проходила дорога, все явственней слышался какой-то канительный шум и голоса. Прислушались: гудит машина, хлопают дверцы, встревоженно перекликаются люди.

— Здесь они где-то!

— Далеко не ушли!

— Заходите выше! Наперерез!..

Приятель глядит на меня, я — на него.

— То ли ловят кого-то?

— Похоже, — говорю я. — А может, из-за нас эта канитель? Может, надо было подойти к тому мужику-то?

— Да ну. С чего бы? Мы же открыто шли. Амуниция вся рыбацкая. Не видел, что ли?..

— Давай покричим.

— Давай.

И мы в два голоса стали кричать, дескать, здесь мы, вот они. Але-е-е!.. Ого-го-го-го-о! Нет. Не услышали нас. Никто не вступил с нами в перекличку. И тогда мы решили сами выйти к дороге, показаться и посмотреть, что там происходит. Но в этом кривуне оказались такие заросли и такие громадные кочки и колдобины, что пока мы выбирались, чуть не умерли от жары и духоты,

А машина уже гудела где-то выше по речке, и оттуда опять доносились голоса.

Отдышавшись, мы опять, обливаясь потом, полезли к речке и, как только выбрались, немедленно сунули головы в воду. Охладились.

Прошли, может, два, а может, три километра. Не много. А намаялись, напарились и накормили всякую «насекомость» так, что все у нас горело и гудело. Возвращались уже по дороге, у горы, и она вывела нас на сухотинский берег, к стоянке Костиного катера.

Над обрывом, спинами к нам, на куче досок сидели Костя в мазутном комбинезоне, дед Тимофей в солдатском обмундировании и ребяташки в пестрых рубашонках. Мы поздоровались. Тимофей и ребяташки сразу ответили, а Костя, которого мы теперь видели в самой близи, долго и недоверчиво рассматривал нас, так и не ответив на приветствие.

— Это вы по Каменушке ходили? — спросил он.

— Мы.

— А пошто не подошли, када я махал вам?

— А что, собственно, случилось? Закурить, так мы ждали вас. Вы сами не подошли.

Вид у Кости был не то злой, не то удрученный, не то сконфуженный. Словом, недовольный. Оглянувшись на ребяташек, он почему-то прогнал их домой.

— Вы незнакомые тут люди. На границе. Документ казать надо. Вот так вот.

— Так это вы нас и ловили?! — засмеялся мой приятель. — Батюшки!.. А документ у нас там, на лодке.

— Вас он ловил, вас, — побряхтывая в смешке, сказал Тимофей, — да не спымал. Как же так, Коська? А?

— А мы кричали и на дорогу выходили.

— А чо вы кричали? Почему?

— Догадались, что из-за нас вы там... Ну и кричали. Мало ли что.

— Вот именно. А где вы были? — допрашивал Костя, явно не веря нам.

— Как где? На речке. Вы же видели.

— А чо вы там потеряли, на речке?

— Рыбачили.

— А кака така рыба может быть на эдакой речке?

— Ну, хариус, например.

— Чо-то я здесь не слышал про таку рыбу.

— А есть оне, есть, наверно, харюзишки в Каме-

нушке, — поддержал нас Тимофей. — Только заросла она. Не пройдешь, поди. Мы, када пацанами были, дак лазили, бывало.

— Ну и ка-ак? — опять допрашивал Костя. А мы уже начинали злиться на него.

— Что как?

— Рыбалка ваша?

— Да вот. — И мы потрясли брезентовый подсумок.

— Покажите.

И мы показали килограмма два хариусов да ленка с полкилограмма. Тимофей удивился и вроде обрадовался, а Костя — наоборот.

— Разве это рыба! — сказал он недовольно. — Вон в Амуре надо ловить. Сомов тут до черта, плетей, красноперок. Одна рыбина больше потянет, чем тут у вас... Эх, вы!.. А на чо вы ловили, этих?

— На кузнечика. На паута. На червяка можно.

— А ежлив на таракана?

— Да, говорят, хорошо берет.

— Ну этого добра завсегда сколько хошь...

Так в первый раз мы увидели Костю и Тимофея вблизи. Так познакомились.

Машина с народом, на которой Костя ловил нас, принадлежала ягоdnикам, приезжавшим к нему из города за сто с лишним километров. Было на ней человек пятнадцать. Вот их-то и организовал Костя. Да «не спымал».

Когда Костя снял с нас допрос да установил, что и мы знаем какое-такое известное ему начальство, то мало-помалу отмякать начал. Его сердитая начальственная отчужденность сошла с лица, и он начал солидно хвастаться:

— А меня тут все пароходство знает. Снизу до верху. Только спросите Костю-бакенщика. Больше ничего объяснять не надо. Все ездят ко мне.

Знать, и впрямь, наверно, знали. Многие ездили сюда, кто порыбачить, кто поохотиться, кто по грибы, кто по орехи, кто по ягоды, кто просто отдохнуть.

Потом Костя пожаловался. Дескать, хоть и работы много, а бывает порой и скучновато тут. Хочется со свежими людьми побеседовать. Намек мы поняли и вечером приплыли сюда с двумя бутылками.

Сидели на этих же досках, при костре. Беседовали, выпивали и закусывали Костиным луком да нашими

консервами. О себе, да о городе, да о международном положении мы успели рассказать еще где-то между первым и вторым «разливом». А теперь говорили хозяева — Тимофей да Костя. Правда, Тимофей уже не собирался уйти — спина не дюжила сидеть долго, но, потоптавшись, опять усаживался.

...— Сичас-то, Коська, мне, однако, восемьдесят есть уже? — спрашивал Тимофей.

— Да есть, наверно. Ты же и родился тута.

— Тута. И старуха — тута. И никуда не уеду.

— Он у нас каждое лето к себе приезжат, — сказал Костя, кивая на Тимофея. — Другие в города рвутся, а он — из города сюда.

— Да я и зимовал бы. Да изба-то... Дрова-то кто готовил бы, таскал бы. И глаза совсем плохие стали.

— Нельзя тебе одному, — соглашался Костя. — Давай уж так вот как-нибудь.

Костя старался вести разговор так, чтобы и сам он и Тимофей предстали перед нами в самом хорошем виде. Вон у Тимофея-то давно уж имеются серебряные именные часы. Подарок за поимку диверсанта. Зимой дело было. Ехал Тимофей по Амуру с мельницы. Незнакомый человек подъехать напросился. Разговорчивый больно. Всем интересуется. Тимофей подвез, берданку из-под себя выхватил и спроводил попутчика на заставу. Очень важная личность оказалась.

— А я дак уж не вижу ничо на их, — зашевелился Тимофей, хлопотливо извлекая из внутренней части шаровар серебряную луковицу часов. — Глянь, Коська. Не стерлось?

Костя глянул и сказал:

— Все в порядке, деда. За отличие по охране Государственной границы СССР. Именные.

— Ну, дак. Серебряные. Не ржавеют, идут, как новые до сих. А ведь когда было-то! Считай, када колхозы зачинались... Колодцы тут травить кое-кто собрался, скотину, лошадей губить. Да и народ — тоже.

Поблескивая в свете костра часами и такой же серебряной цепочкой, Тимофей долго устраивал свою награду сначала куда-то под гимнастерку, потом — под шаровары.

— Конечно. Сичас многие часы носят. Даже пацаны, — сказал Костя. — А тада это же, как большой орден... За особые заслуги давали.

— Оно так, — согласился Тимофей и начал задремывать.

По травянистой тропинке мы отвели Тимофея в его избу. Дорогой он сокрушался, что в темноте совсем не видит, и все протягивал вперед руки, боясь наткнуться на что-нибудь, хотя, конечно же, он помнил тут все до щепочки. «Сичас прясло будет. Дак левей берите, а то яма там с крапивой и стеклами... А жердь-то содвиньте. Заборы тут у меня. Ее, жердь-то, видно будет — березовая... А на крыльцо-то с лица заходите. Там ступеньки-то крепче...»

Даже в темноте видно было, что изба Тимофея по самые окна заросла дурной травой, которая обычно прет-дурит, когда издавна обжитое место перестает топтать нога человека.

В избе было пусто, гулко и темно. Пахло подпольем и холодным печным нутром. Слегка погудывали мухи и комары.

— Ноги-то ничо ишшо. На солонцы сходил бы. А вот глаза, язви ее... Очки перестали помогать...

Тимофей указал, где нам искать лампу, и мы нашли ее на припечке у печки, у чувала.

— Свечек мне привезите вдругорядь да махорки. Не могу никакой другой табак курить.

Кроме Тимофеева заказа мы пообещали ему привезти еще и аккумулятор с лампочкой.

Тимофей снял солдатскую амуницию и, оставшись в исподнем, показался более домашним, благообразным и выше ростом. Он был костист, узловат и держался еще довольно прямо. Борода у него была совершенно круглая, серая, похожая на осиное гнездо. И голова — такая же. То есть когда-то волос он имел темно-русый, а теперь весь поседел и стал вот таким пепельно-серым. Такими же были у него и лохматые брови и волосы на груди, отчего весь он похож был на большого шмеля.

— Вы бы, ребята, шли ко мне жить-то. Скоко тут пробудете?

— С неделю.

— Ну вот. Рыбу каку поймаете, дак всю и проквасите. А у меня колодец хороший. Лед в ём круглый год. Кте приезжат, дак всегда рыбу там держит. В мешок, на веревку и — туда. Свеженьку возьмете.

Мы обещали так и сделать. Пожелали Тимофею спокойной ночи и ушли к лодке...

Назавтра мы переехали к Тимофею. Но жить стали не в избе, а в палатке, под обрывом, на каменной гряде. Тут было меньше комаров, ближе вода, не надо было всякий раз вылезать на высокий берег, и для костра вдоль гряды лежало много мелкого наносника. Конечно, мы навещали и Тимофея, принося ему то воды, то дров, то ухи и чаю. А рыбу хранили, как он посоветовал, в колодце, в мешке, на веревке. Там был настоящий холодильник. Иногда он и сам спускался к нам с берега.

И впрямь тут неплохо ловилось. Сначала закидушки у нас были слабые, из тонкой жилки, и в первую ночь все их пообрывали и перепутали водяные жители. Но когда мы изготовили с десятков крепких таких снастей да наживили свежими кузнечиками, то почти на каждой закидушке сидело по толстому сому да по два. Целую неделю мы кормили здешних хозяев рыбой и для себя еще накопили в колодце у Тимофея почти с полмешка. Этот улов, по совету Кости, мы потом закоптили.

* * *

В течение всей недели каждый вечер сидели мы при костре то у палатки, то у тех досок, где встретились в первый раз. Из Тимофеевых беглых и разноликих воспоминаний составилось у нас кое-какое представление о жизни, которая была тут в давние и не такие далекие времена.

...— Ну, так как было... Поперва поселщики все ладилась у реки. Амур-то, он и поил, и кормил, и лесом снабжал. У меня вон изба-то вся по Амуру пришла. В большую воду несет, бывало, лесины. Ну и не ленишься, имашь их. У меня только оклад из листвяка. А стены-то больше из этой... как ее, Коська?..

— Из чозении. Здесь она не растет.

— Ага. Где-то вверху, на притоках да островах растет-то. Какой-нибудь остров начнет мыть и несет, и несет. Большие лесины-то, дельные. А лист на ней неказистый, как на талине. И корой она на талину похожа. Ну, поймашь, да обрубашь сучья, да раскряжужешь, да ошкуришь тут же у воды, так она сверху-то — вся красная, как свекольная. А потом тускнет, как осина. Только крепче осины-то.

О чозении я слышал. В верховьях Зеи, на приисках, старатели в прошлом веке рубили из нее тепляки и избы. Иные до сих пор стоят — не берет время. Позже на речках приамурского севера я видел чозении воочию, и они удивили меня очень прямыми, гладкими, высокими стволами с вершинами, похожими на тростниковые метелки. И еще удивили красной древесиной. Стоят, шумят, качаются вразнобой. Растут у речек, на каменистых отложениях.

...— И другой всякий лес... Заготовишь да по реке и плавись. И сено плавили на плотках-то. Найдешь луга, накосишь да там же где-нибудь и плоты навяжешь. И лес плывет, и стога на нем, и кони. Правда, сена-то нам не так много надо было. Лишние кони да молодняк, считай, всю зиму на воле бегали. Уходили, бывало, и на ту сторону, в сопки. И китайский скот на нашу сторону заходил, заплывал. Ну, так тут уж мы по-соседски разбирались... И в гости ходили, купить чего или займы взять...

...— Я-то не большой рыбак был. Охотник больше. А мужики которые, мастера были. На самолоры брали калуг, на сплавные сети и неводами. Ну, так самых-то больших рази поймаешь? И сети порвут, и невода... Правда, на самолоры попадались. Бывало, конями вытаскивали. До тридцати пудов. А есть-то и больше раза в два. И беды с ними бывали. Зимой эдак мужик чужую снасть проверял. Позарился. Не рыбак, понятия не имел. Потянул из майны самолор с крючками, а она, матушка, сидела уже на ём. Как пошла, как пошла назад! А крючки-то и повпивались в разные места мужику. Крепкие они делаются — стальные, с хороший гвоздь толщиной. Ну и утащила его под лед. После-то сначала утоплого вынули, а потом уж ее. Крючья-то надо отвязывать в таком разе...

...— А то так сосенку таскала. Китайский самолор порвала да — к нашему берегу. И сосенку за собой таскает. То ли эта сосенка сама подцепилась где-то, то ли самолор сразу был так привязан. Ну, один мужик и усек. Сел на лодку и — вдогон. Схватился за ветки, а она его вместе с лодкой прет. Тот кричит: «Помогите!», а кто поможет — страда была, народу в деревне — шаром покати, нету. И утащила она его мимо своей деревни аж до другой. Там услышали его, помогать кинулись... А все одно, ушла... Напужали ее...

...— Раньше осенью тут и кета ловилась. Это же какие версты шла! Почти три тыщи. До чего сильная рыба. Да все под тем берегом шла-то. И другая рыба почто-то там больше держится. Там, глядишь, ловят, а у нас — нету. То ли уж оне мастера особые...

...— А сазана сколь было! — вспоминал Тимофей. — Как чушки! Куда подевались? И то сказать: брезгливая рыба, осторожная...

Конечно, были у нас с Тимофеем разговоры и о его былой охоте, и о контрабандистах-спиртоносах, ходивших через Амур почти до тридцатых годов, и о разных событиях, и об изменении климата, и о всяких здешних людях.

...— Сашку-то Алейникова знаете? Нет. А герой он, Сашка-то. В сорок третьем или четвертом дело было. Японцы ишо на той стороне стояли, все насыкались, вроде тревогу делали. Даже стреляли, бывало. Насчет ихнего оружия не знаю, врать не стану, а корабли имели хорошие. И все под наш берег лезли. А Сашка-то служил тада старшиной на катере. Дак вот. Один ихний военный катер досаждал шибко. Броня на ём, не боится ничего, по нашим протокам шарится и шарится. А Сашка-то свой катер спрятал за кустами, под островом, и, как только японец показался, он выскочил под нос ему да и накинул трос на кнехт на ихний. Пока те опомнились, Сашка нос ихний к нашему берегу загнул да утянул далеко с разбегу-то. А протока-то не вся глубокая, мель посередине. У них катер больше, сильней Сашкиного, да вилять-то ему в узком месте не годилось. А Сашка знай дергает, тянет туда-сюда. Ну и задергал японца-то, посадил брюхом на гальку, намертво. Стрелять нельзя было, дак он вот так наказал нарушителя. И не откажешься. У самого нашего берега сидит. Им бы ж, японцам-то, сдаваться сразу, а они все позакрывали и не пускают никого и мотор не глушат, грунт изпод себя вымывают. Долго так стояли, разговаривать отказывались. Да куда денешься...

...— Окопов туда, по всему берегу было! Заросли. Да и пусть зарастают... А там вон, километра с два отсюда выше по Амуру, падь выходит. Дак она называется Полковничья. Жил один господин в отставке. Конюшни были у него, кони, работников держал.

...— А на речках-то, на многих, мельнички стояли. По сопкам худо ли бедно, дороги тележные были про-

ложены. Поди, дак тоже заросли уж. В другие места жизнь переместилась... А там-то, где полковник-то жил, такая трава дурит, такая трава! Стена. Ветром не продуват. Не выкоси вовремя, дак вся развалится на стороны, поляжет, искрутитя. Скоко раз выжигали, а она все дурит...

Позже я был на том месте. От бывшей полковничьей усадьбы кое-где остались лишь горелые столбы, чуть выступавшие над землей. И везде рос непролазный пырей-великан. Вернее, он не рос, а лежал, как лежат слишком тучные ржи или овсы, и напоминал некую постель, на которой там и тут повалялись кони.

Да и само Сухотино уже зарастало. За бывшие здешние подворья уже дрались между собою разные хваткие травы.

* * *

На другой год в Сухотино мы побывали дважды. Один раз в начале отпуска, второй — в конце. В первый раз Костя сказал, что сын, у которого дед Тимофей в городе, категорически не отпускал его сюда. Сын у него военный, в чинах, квартира хорошая. А деду ни город, ни квартира эта не нужны. Опять прибыл сюда. Где на поезде ехал, где на машине. А как до Амура добрался, так тут уж он всем известный.

— Чудит старикан, — говорил Костя, когда опять сидел с нами у костра, — как маленький стал... Эт-та пожелал, чтобы я его колодец большими камнями обложил, а сверху новый сруб вывел. И обижать старика неудобно, и ладить все это некогда, да и смыслу нет. Сам на ладан дышит. Меня вот-вот заберут отсюда. Бакена теперь централизованно обслуживать будут. Третьей избы, как видите, нет уже. Хозяева в совхоз перебрались, а избу на дрова забрали. Я свою тоже на дрова запродам. Только одна Тимофеева изба и остается пока...

Еще мы узнали от Кости, что Тимофей сильно занемог, и его поспешно помчали на катере в ближайшую больницу.

— Как бы дорогой-то не рассыпался совсем, — горестно заключил Костя, — сидел бы уж, старый, у сына, не чудил бы. И сын, говорят, хороший такой.

Когда мы съездили домой за продуктами и опять

явились в Сухотино, Костя уже получил расчет и соби-
рался покинуть этот берег. По его признанию, он уже
десятый раз переезжал. Весь Амур изъездил. А Тимо-
фей, к нашему удивлению, был тут. Оказывается, доро-
гой ему стало легче. Он даже водки пригубил с каким-
то знакомым начальником и потребовал, чтобы его не-
медленно доставили в Сухотино, где он и намерен жить
до холодов. Вследствие такого оборота дела Костя за-
ключил, что «старикан начал капризничать всяко
разно».

Тимофей никого из нас не признал и не вспомнил
и заново расспрашивал, кто мы и откуда. К тому же он
почти ничего уж не видел. Малоподвижные глаза его,
казалось, сплошь были наполнены белесым дымом. Дер-
жался он несколько суетливей и тревожней обычного.
То садился на свою деревянную кровать, застланную
серым солдатским одеялом, то поднимался и, мелко пе-
реступая и шаркая ногами в ичигах, подслеповато шел
в один или другой угол переставить что-то, проверить,
узнать. И нас он заставлял что-нибудь искать да пере-
ставлять. Так мы нашли ему сапожные колодки под
печью, и он раза три спросил, нашли ли мы их, не поко-
лолись ли они, не разные ли какие и крепко ли ввин-
чены в них вытяжные кольца. Отыскали на чердаке ста-
рую козью шкуру и, выбивши из нее лишнюю шерсть
и пыль, постелили под ноги ему возле кровати. Слазили
под пол за стеклом, чтобы заделать дырку в окошке. На
длинной проволоке подвесили лампу к потолку, чтобы
она и невысоко была — руками достать, — и от кровати
недалеко.

А еще мы помыли пол Тимофею и набросали по
углам, для освежения воздуха, полынных мелких вето-
чек. И, наконец, натаскали камней к колодцу.

— Воза три-четыре надо камней-то. Да не круглых.
Ну их. А плиткой чтобы. Круглые да мелкие не бе-
рите...

Мы не сразу представили себе, много это или мало —
три-четыре воза. А когда стали уточнять у Тимофея, он
даже рассердился на нашу непонятливость и сказал,
что «воза, оне разные бывают. И по тридцать пудов
бывают и побольше».

— А больше ничо с камнями не делайте, — строго
приказал он. — Я Коське скажу, как и чо делать. Вы
городские, дак неумехи. Не поймете.

То есть, командуя нами и принимая доклады об исполнении, Тимофей вместе с тем был вроде и недоволен нами. «Маленько не так бы надо... Да ладно уж...» Он и впрямь, наверно, «капризничал». И совсем уж он расстроился, когда мы не нашли на месте его бывшего пригона ни одного огурчика. Тимофей будто бы сажал тут огурцы, и теперь они как раз должны были поспеть.

Стоя на прогнившем крылечке, которое мы тоже подладили немного, Тимофей указывал рукой и с нетерпением в голосе говорил:

— Да вон же, вон у столба-то, где коновязь была! Столб-то видите?!

— Видим, — отвечали мы и разнимали руками дурную траву, которойросло тут невпроворот.

— Ну, так вот. Там и ищите. Должны быть оне обязательно.

Искали мы, искали и даже признаков никаких не обнаружили. Да и что тут могло уродить, в такой травище?

— Да как же так, ребята?! Как же так. Столб-то видите? Ну?.. Это уж я не довижу, а вы-то пошто такие? Ну?..

Нам и неудобно было, и жаль Тимофея. Искали мы эти огурцы по всему бывшему подворью и даже там, где был когда-то огород. И — никаких признаков. Только лебеда, полынь, крапива да пырей выше головы. Если бы у нас были свои огурцы, мы бы их выдали за Тимофеевы, но у нас и своих не было. Может, когда-то, только не этим летом, Тимофей и в самом деле сажал огурцы. Да запомятовал.

Не дождавсь огурцов, Тимофей, ворча что-то, махнул рукой и, потоптавшись на скрипучем крыльце, ушел в избу. Там мы застали его сидящим на кровати в позе человека, от всего отрешенного. Казалось, он и не признал нас.

— Вы где стоите-то? — в который раз спрашивал он, и мы отвечали, что стоим, как и в прошлом году, напротив его избы, под обрывом, на каменной гряде.

— Вы там берегитесь да глядите. Граница все ж таки... А часы-то, ребята, идут у меня? Ну-ко гляньте.

Часы у Тимофея по-прежнему шли точно и тикали, как новые.

— А подпись-то заметна?

— Заметна, дедушка.

— А ну-ко как там?

— Иванову Тимофею Петровичу за отличие по охране Государственной границы СССР.

— Оно так, — успокоился Тимофей и надолго замолк.

В этот раз он уже с трудом открывал консервы. Не мог припасти дров и воды. Уезжая, мы нарубили ему поленичку, натаскали в кадку воды, оставили соли, свечей, спичек и мешочек крупы.

— Ишо кто пожалует, дак помогнет.

Когда все, что было у нас, уложили мы в лодку и пришли попрощаться, Тимофей попросил нас выкопать вокруг избы траву, а так же прокосить проход к берегу. Литовка висела на колке в сенцах. Когда дело было исполнено, Тимофей по прокошу пошел проводить нас.

— На тот год приедете?

— Постараемся. В это же время. В отпуск.

— Ну, давайте. Приезжайте. Хорошо тут. И рыба есть. Здесь вот, — указывал он круто под берег, где никакой воды не было, — самая глубина. Осетры держатся. А зимой мужики тайменя брали.

Уплывая, мы не раз оглянулись, и, пока не зашли за каменный мыс, на берегу виднелась одинокая фигура Тимофея. О чем он думал там? Ни в прошлом, ни в этом году мы не слышали от него, чтоб было трудно ему или обижался на кого-то. Ни слова не было сказано и о смерти, будто еще много, много раз предстояло ему возвращаться на этот берег.

* * *

Так случилось, что приехал я на сухотинский берег только лет через восемь, когда в эти места выдалась командировка. Приехал на часок и решил помахать спиннингом у тех камней, где в первый раз приставали мы на лодке. Начав отсюда, я дошел до Сухотина и не вытерпел — поднялся на берег. Как тут было пусто и тихо! Какая росла трава! Сколько ни смотрел я, ни одного предмета, который говорил бы о недавнем человеческом жилье, не увидел. Все, все скрывала трава.

Была середина сентября. Сопки и острова уже начали желтеть, а сухотинский берег был зелен. Даже — слишком зелен. Здешняя трава еще бушевала и нали-

валась силой. Непроходимая, густая и высокая, под стать коноплянику, росла она по всему веселому прилавку, где раньше стояла деревня.

Сколько раз я видел оставленные человеком обиталища! И везде, помнится, росла могучая трава. И всякий раз я спрашивал: что это? Отпечаток ушедшей человеческой жизни или торжество вечной природы, постоянно и везде стремящейся утвердить свой особый облик?

Где-то в джунглях, говорят, есть заброшенные города. Какое это, должно быть, жуткое и тоскливое зрелище, если даже одно чье-то подворье, зарастающее травой, вызывает такое тяжелое чувство! Не хочет с этим мириться живая душа. Одна только трава! Одно запустение! Одно забвение! Да нельзя же так — нельзя, люди-братья! Хоть какой-нибудь знак должен остаться. Хоть одно живое слово, обращенное к живым. Тогда, может, лучше мы будем чувствовать себя на земле, прочнее. И вперед, может, будем смотреть спокойней.

А может, ничего и не надо? Ничто не вечно под луной. Все живое рано или поздно становится обыкновенной землей — общей для всех усыпальниц. А на земле-то — красота, леса и травы, кущи райские. И шумят они и поют усопшим память вечную. Чего еще?

Но тогда отчего так протестует живая душа? Отчего так тяжело видеть на месте бывшего жилья лишь высокие травы. Может, в этом есть еще неосознанное нами преступление? Может, начав обживать и устраивать какое-то место, человек уже не должен покидать его? Может, только те люди настоящие, которые из поколения в поколение устраивают, украшают и охраняют именно ту землю, которой обязаны они самыми первыми ощущениями? И если это так, то никто и никогда не должен нарушать этих первых связей с миром, как нельзя нарушать корней у живого дерева. Может, такие люди и есть подлинники защитники земного бытия? Может, только они испытывают настоящую радость земной жизни? Может, способность тосковать и привязываться к родившей тебя земле есть самое великое изобретение природы?

Взявши в расчет эти размышления, мы, наверно, лучше поймем, что такое тоска по родине. И, может, не таким уж чудачком покажется нам старый Тимофей...

Как тихо тут было! И вовсе не хотелось верить, что

это и есть забвение. Нет. Я видел вовсе не травы, не пустынный берег, а веселый луг-прилавок с веселыми домами, среди которых стоит и изба Тимофея, рубленая из редкого дерева — чозенни. Да и сам Тимофей, вот он, стоит на берегу в белесой рубахе и по-хозяйски оглядывает просторные воды Амура...

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

РАССКАЗ

Самые глухие, длинные и морозные ночи, как известно, бывают в декабре. Наверное, потому декабрьская пора воспринимается многими как некое затяжное ненастье, которое — хочешь не хочешь — пережить надо. Мне, например, даже в юности, когда был страстным охотником и не мыслил и дня прожить, чтоб не сбегать в тайгу, декабрь казался чем-то вроде затмения. И светло вроде, и пышные снега сверкают, и лес стоит как-то особенно торжественно — весь серебряный и тихий, и красиво, и таинственно вокруг, а все чего-то не хватает — живинки какой-то, веселинки, а может, всего-навсего — тоненького, как лучик, голоска синички. И ждать надо, терпеть. А там, глядишь, и солнышко начнет выше ходить, и дни длиннее станут, и вечера будут не такие уж глухие и темные.

С годами такое отношение к декабрю стало привычным. Да еще с годами я забросил всякую охоту. Ни ружья, ни собак, ни охотничьих припасов не держал, только в разных домашних ящиках попадались иногда пустые гильзы, оставленные на всякий случай, скажем, для ремонта спиннингов. И вот однажды именно в декабре, именно глухим вечером, именно насчет охоты, именно мне позвонил друг-приятель — Володя.

— Здорово, Колаха! — приветствовал он, явно довольный чем-то. — Слушай. Мы с Жорой две лицензии достали. Одну — на кабана, другую — на козла. Давай — с нами!

Я не то чтоб замаялся — поперхнулся. Как это? Я, который категорически отказался стрелять «любительски» во всякую теплокровную живность, вдруг должен ехать на охоту, да еще в такое глухое время?! Ведь я же объяснял... всем объяснял, что не охочусь больше.